

ФИЛОСОФСКАЯ МЫСЛЬ

УДК 316.77:001

ТРЕВОГА ЭРИХА ФРОММА И ГЕНЕЗИС «ЦИФРОВОГО ЧЕЛОВЕКА»

В.В. Буланов

Тверской государственной медицинский университет, г. Тверь

© Буланов В.В., 2025

DOI: 10.46573/2409-1391-2025-1-5-8

***Аннотация.** В статье проанализированы антропологические особенности формирующегося цифрового человека через сравнение с образом кибернетической личности, предложенным Эрихом Фроммом. Доказано, что характер кибернетической личности содержит компоненты социальной некрофилии. Сделан вывод, что социальный характер формирующегося «цифрового человека», представляющего собой новый этап эволюции кибернетической личности, имеет еще больше черт социальной некрофилии.*

***Ключевые слова:** биофилия, некрофилия, социальный характер, кибернетическая личность, цифровое общество, «цифровой человек».*

В 1970-х гг., когда в США появился в продаже первый ноутбук, а глобализация еще не началась, философ и психолог Эрих Фромм в своих трудах выражал тревогу и озабоченность касательно распространения в человеческом обществе середины XX в. кибернетического типа личности. В рамках настоящей статьи необходимо установить, насколько его тревога была оправданной, если исходить из социальной реальности 2020-х гг.

Начнем с того, что человек, по мнению Фромма, обладает плохо развитыми инстинктами и потому выживает лишь благодаря особой компенсации своей биологической неполноценности – социальному характеру. Последний формирует у человека те традиции, ценности и смыслы, благодаря которым он будет желать делать то, что необходимо обществу [5, с. 318–319], а общество взамен будет стараться дать человеку то, что требуется ему для жизни. Однако, как отмечает Фромм, поведение человека определяется не только его инстинктами и социальным характером. «Человеческое существование настолько противоречиво», что в том случае, когда человек хочет преодолеть «свой страх, свою изолированность в мире, свою беспомощность и заброшенность» и тем самым «обрести безопасность и покой» [5, с. 281], он может удовлетворять эти «экзистенциальные потребности» самым противоположным образом. Человек может либо ориентироваться на переживание таких страстей, как любовь, нежность и стремление к справедливости, либо быть обураваемым ненавистью, нарциссизмом и др. [5, с. 282]. Этот выбор между противоположными страстями, по наблюдению Фромма, неотделим от выбора каждого человека между такими антагонистическими страстями, как биофилия и некрофилия. Для Фромма «биофилия – это страстная любовь к жизни и всему живому; желание способствовать развитию, росту и расцвету всех форм жизни». Данная страсть «представляет собой биологически нормальное явление», в то время как некрофилия,

выступающая ее противоположностью, – это «феномен психической патологии», следствие задержки в личностном развитии, «душевной инвалидности» и «непрожитой жизни» [5, с. 463].

Если человек-биофил, по Фромму, всегда и везде проявляет себя одинаково, то склонность к некрофилии может выражаться по-разному. Фромм считает, что не обязательно тянуться ко всему связанному со смертью и разложением, жаждать разрушения и убийств, чтобы иметь некрофильский характер. Можно лишь иметь исключительный интерес ко всему чисто механическому (небиологическому) [5, с. 417]. В обоих случаях человек ведет себя по-некрофильски, так как склонен ценить неживое выше, чем живое, предпочитать коммуникацию с неживым общению с живым, получать удовольствие от превращения живого в неживое.

Отметим, что детальный анализ современного Фромму индустриального общества дал ему весомые основания утверждать, что очень многие люди являют собой примеры либо кибернетических, либо рыночных типов личности, а то и обоих типов одновременно. У кибернетической личности «страсть к техническим изобретениям заменяет (вытесняет) подлинный интерес к жизни и «ко всему живому», а это явное проявление некрофильской тенденции [5, с. 432]. Такой человек «отворачивает свой интерес от жизни, ... обращает живое в предметы, ... включая самого себя и человеческие качества» [5, с. 441], что тоже нельзя не назвать формой проявления некрофильского характера. Все это тревожило Фромма – автора книги «Анатомия человеческой деструктивности», вышедшей в 1973 г. Он призывал современников признать, что безжизненный мир, в котором царит культ автоматизации, ничем не лучше мира, полного запустения и мертвечины. Мыслитель печалился, понимая, что современная ему молодежь не сможет противостоять искушению поддаться некрофильским тенденциям, если они начнут оказывать влияние на ее социальный характер, будут «пропагандироваться теми, кто определяет развитие современного общества» [5, с. 443].

Обратимся к нашему времени. В мире победила цифровая революция, то есть произошли радикальные и исторически быстрые перемены, связанные «с "цифровизацией" производства и общественных процессов» [2, с. 13]. В результате возникло и динамично развивается цифровое общество. «Все четыре элемента технологической инфраструктуры цифрового общества – коммуникационные сети, технологии больших данных, алгоритмы и платформы – развиваются под одновременным влиянием таких процессов, как сетевизация, датификация, алгоритмизация и платформизация, что влечет за собой серьезные социальные последствия, качественным образом преобразующие общество, которое становится все более цифровым» [1, с. 124]. Влиятельные люди, от политиков (например, президента России В.В. Путина) до ученых-социологов (в частности, Д.Е. Добринской, А.А. Карцхии, К.В. Кудрявцевой, М.А. Склера), в целом удовлетворены наступлением этих последствий. Их нельзя обвинить в идеализации процессов цифровизации, они признают наличие существенных рисков, сопровождающих генезис цифрового общества. Однако Д.Е. Добринская все данные риски сводит к появлению новых практик «тотального наблюдения и надзора», распространению «новых механизмов социального неравенства», стиранию привычных границ приватного и публичного, а также к непредсказуемым последствиям работы алгоритмов [1, с. 124], но не более того. О снижении этих рисков в ее работах ничего не сказано. К.В. Кудрявцева и М.А. Скляр добавляют к этому риск чрезмерно высокой концентрации интернета, риск усиления противоречий между высоко- и низкоквалифицированным трудом, риск ослабления демократических начал в управлении. Они согласны с тем, что риски,

связанные с цифровизацией, нуждаются в сведении к минимуму. Тем не менее решение данной проблемы ученые видят лишь в совершенствовании «аналоговых дополнений»: нормативно-правовой базы, методик обучения людей новым технологиям, а также в обеспечении подотчетности гражданам ряда государственных институтов [4, с. 109–112]. А.А. Карцхия находит более весомые поводы задуматься о последствиях генезиса цифрового общества: формирование и распространение киберпреступности, появление клипового мышления, потенциальное возникновение новых угроз для человека [2, с. 17]. О том, как уменьшить эти тревоги, в его работах тоже ничего не говорится. Таким образом, в настоящее время в государстве преобладают сторонники цифровизации, которые, пусть и с оговорками, приветствуют формирование цифрового общества и влияют на развитие социального характера людей, поскольку содействуют генезису принципиально нового типа личности – «цифрового человека» (Homo Digital), или, согласно А.Л. Крайнову, человека, свободно владеющего цифровыми технологиями [3, с. 124].

А.Л. Крайнов, не оспаривая в целом позитивные последствия цифровизации, выражает беспокойство по поводу того, что она может привести к трансформации человека «из субъекта цифровизации в ее объект», то есть Homo Digital станет Homo Digitized – человеком оцифрованным. Сложно не согласиться с этим исследователем в том, что тенденция весьма опасна, так как прогнозируемое сращивание человека с искусственным интеллектом лишит первого индивидуальности, приведет к его деперсонализации [3, с. 127]. Об этой угрозе в апреле 2023 г. заявил и всемирно известный изобретатель и бизнесмен Илон Маск, который «призвал приостановить совершенствование искусственного интеллекта и отказаться от его интеграции с человеческим сознанием» [3, с. 126].

На наш взгляд, данное опасение всецело оправдано, но оно вызвано осознанием пагубности лишь финальной стадии того процесса, начало которого диагностировал Фромм, вводя концепт «кибернетическая личность». В пользу этого предположения можно привести следующие аргументы:

1) если кибернетический человек Фромма лишь предпочитает коммуникацию с техникой общению с людьми, то «цифровой человек» еще и склонен заменять непосредственное общение с людьми опосредованным, то есть через интернет. Такое общение, на наш взгляд, имеет выраженную некрофильскую составляющую, потому что его участники предстают не как многогранные личности, а как набор расчлененных фрагментов личностей, приемлемый для цифровой обработки;

2) если кибернетический человек Фромма только увлекается техникой, а не чем-либо живым, то «цифровой человек» даже увлечение чем-либо живым предпочитает переживать при помощи цифровых технологий, а объекты его увлечений вполне могут представлять в оцифрованном виде. Такой характер увлечений, как видится, характерен для некрофильского характера, потому что они как по процессу, так и по объекту соотношены с чем-то неживым (причем неживым, замещающим живое);

3) если кибернетический человек Фромма культивирует технику, но пока автономен, то цифровой человек уже соединяет свою сущность с техникой, идентифицируя личность с ее оцифрованным образом. Это добровольное размывание границ живого и неживого в пользу их единения имеет некрофильскую природу.

Таким образом, можно констатировать, что генезис «цифрового человека» всецело подтверждает оправданность тревог Э. Фромма относительно укрепления некрофильской составляющей в характерах людей. Фромм отчетливо видел эту составляющую в характере кибернетической личности. Формирующийся ныне

цифровой человек – это результат эволюции кибернетической личности в сторону усиления ее склонности к некрофилии.

Библиографический список

1. Добринская Д.Е. Что такое цифровое общество? URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chto-takoe-tsifrovoye-obschestvo> (дата обращения: 20.10.2024).
2. Карцхия А.А. Цифровая революция: новые технологии и новая реальность. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-revolutsiya-novye-tehnologii-i-novaya-realnost> (дата обращения: 20.10.2024).
3. Крайнов А.Л. Homo digitals как продукт цифровизации. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/homo-digitals-kak-produkt-tsifrovizatsii> (дата обращения: 20.10.2024).
4. Скляр М.А., Кудрявцева К.В. Цифровизация: основные направления, преимущества и риски. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-osnovnyie-napravleniya-preimushchestva-i-riski> (дата обращения: 20.10.2024).
5. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. Минск: Попурри, 1999. С. 32–606.

ERICH FROMM'S ALARM AND THE GENESIS OF "DIGITAL MAN"

V.V. Bulanov

Tver State Medical University, Tver

***Abstract.** The article analyzes the anthropological features of the emerging digital man through comparison with the image of cybernetic personality proposed by Erich Fromm. It is proved that the character of cybernetic personality contains components of social necrophilia. It is concluded that the social character of the emerging digital person, representing a new stage in the evolution of cybernetic personality, has even more features of social necrophilia.*

***Keywords:** biophilia, necrophilia, social character, cybernetic personality, digital society, digital man.*

Об авторе:

БУЛАНОВ Владимир Владимирович – доктор философских наук, доцент кафедры философии и психологии с курсами биоэтики и истории Отечества, Тверской государственной медицинской университет, Тверь, Россия; e-mail: althotas3111978@mail.ru

About the author:

BULANOV Vladimir Vladimirovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy and Psychology with Courses in Bioethics and History of the Fatherland, Tver State Medical University, Tver, Russia; e-mail: althotas3111978@mail.ru